

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

яжело читать страницы этого дневника въ настоящее время прекрасныхъ англо-русскихъ отношеній.

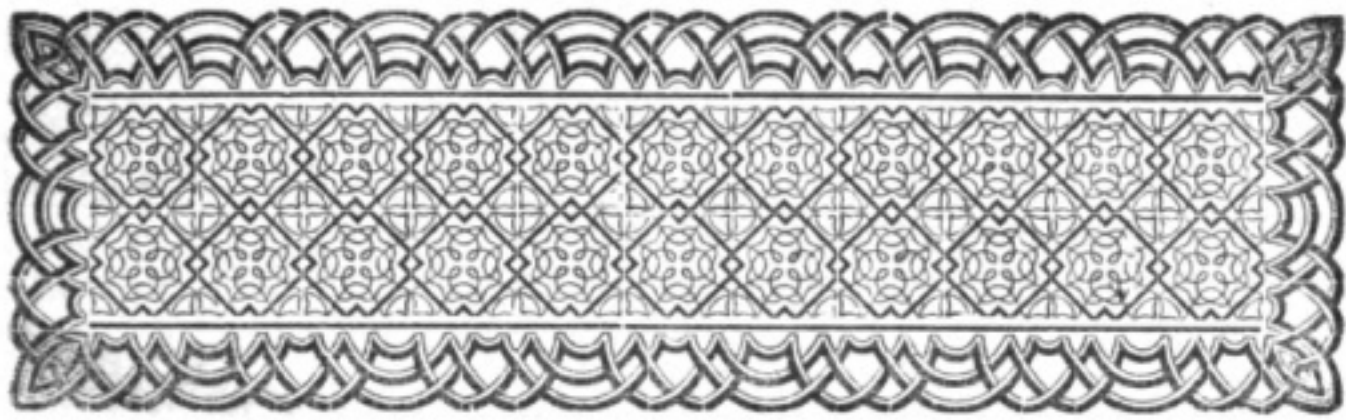
Много событій произошло послѣ Берлинскаго Конгресса, много русскихъ и англичанъ поработало надъ тѣмъ, чтобы англо-русское сближеніе осуществилось, но можно и теперь съ увѣренностью сказать, что если бы въ іюнѣ и іюлѣ 1878 г. во главѣ англійскаго кабинета стоялъ „великій старецъ“ Гладстонъ, въ жилахъ котораго текла благородная англійская кровь, то историческія событія въ Европѣ еще и тогда бы приняли совершенно другой ходъ.

Ред.

14 января 1912 г.
С.-Петербургъ.

Четвергъ 1/13 іюня.—Полдень. Сегодня утромъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, такого содержанія печатнымъ билетомъ:

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1912 г.

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

яжело читать страницы этого дневника въ настоящее время прекрасныхъ англо-русскихъ отношеній.

Много событій произошло послѣ Берлинскаго Конгресса, много русскихъ и англичанъ поработало надъ тѣмъ, чтобы англо-русское сближеніе осуществилось, но можно и теперь съ увѣренностью сказать, что если бы въ іюнѣ и іюлѣ 1878 г. во главѣ англійскаго кабинета стоялъ „великій старецъ“ Гладстонъ, въ жилахъ котораго текла благородная англійская кровь, то историческія событія въ Европѣ еще и тогда бы приняли совершенно другой ходъ.

Ред.

14 января 1912 г.
С.-Петербургъ.

Четвергъ 1/13 іюня.—Полдень. Сегодня утромъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, такого содержанія печатнымъ билетомъ:

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1912 г.

Auf allerhöchsten Befehl
 beehrt sich der unterzeichnete Ober Hof und Haus Marschall
 den Kaiserlich Russischen General
 Herrn Anoutchine
 zu dem Gala-Dîner am 13 Juni 1878 um 6³/₄ Uhr
 im Königlichen Schlosse
 einzuladen
 подписано: Pückler.

Былъ съ визитомъ у Бобрикова, Боголюбова и Даллера. Какъ кажется, кронъ-принцъ никого не принимаетъ сегодня, и всѣ прибывшіе на Конгрессъ будутъ ему представлены передъ обѣдомъ. Даллеръ совѣтовалъ мнѣ поѣхать ко всѣмъ находящимся въ Берлинѣ посламъ великихъ державъ или разослать имъ карточки, что здѣсь обыкновенно дѣлается. Такъ какъ сегодня 1-ое засѣданіе Конгресса, и никто дома не будетъ, то я и посылаю кельнера въ каретѣ, развезти мои карточки посламъ французскому, англійскому, итальянскому, австрійскому и турецкому.

Познакомился съ флигель-адъютантомъ Барановымъ, командиромъ Весты. Онъ здѣсь и стоитъ въ той комнатѣ (№ 115), которую я только что оставилъ. Я былъ у него первымъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ этимъ интереснымъ человѣкомъ. Онъ посланъ съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ, вѣроятно по части закупки крейсеровъ.

10 ч. вечера. Что за день сегодня! Представлялся кронъ-принцу и говорилъ съ нимъ; представлялся кронъ-принцессѣ; жалъ руку Бисмарку, и его чудесная, добродушная морда и мощная фигура до того понравились мнѣ, что право охотно бы расцѣловалъ его. Безспорно, онъ и ростомъ, и мощью фигуры и выраженія доминируетъ надъ всѣми. Видѣлъ всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ. Жаль, что не было Мольтке; не было и Горчакова. Всѣхъ приглашеній было разослано 180, такъ что съ особами императорской фамиліи всѣхъ было 200 чел., но думаю, что за обѣдомъ присутствовало не болѣе 175, 180 чел.

Ровно въ 6³/₄ ч. я былъ уже въ замкѣ—огромномъ старомъ зданіи, передъ которымъ стоятъ двѣ лошади съ Аничкова моста. Съѣздъ уже начался и шелъ безъ перерыва. Прусскіе камергеры и церемоніймейстеры, съ гораздо менѣе важными фигурами, чѣмъ наши—любезно встрѣчали каждого, рекомендовались, и узнавъ фамилію гостя, указывали, какъ пройти въ залу, гдѣ назначено представленіе съѣхавшихся. Эта „зала королевы“ (chambre de la

geine) очень красива, окнами выходитъ на Lust Garten и въ ней между двумя дверями на боковой стѣнѣ стоитъ тронъ. Около него, въ день пріема, были два хорошенькихъ пажа и два дворцовыхъ гренадера, одѣтыхъ подобно нашимъ въ мундиры старой наполеоновской гвардіи.

Когда всѣ собрались, тѣ же камергеры знакомили каждого изъ насъ съ сосѣдями, между которыми назначено сидѣть за обѣдомъ. Моими сосѣдами были: *Кёрри*—главный совѣтникъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ родѣ нашего *Жомини* и *фонъ Козекъ*, австрійскій дипломатъ.

Андраши—усталая, скорѣе потертая и, кажется, подкрашенная фізіономія—въ гусарскомъ мундирѣ, бѣломъ съ краснымъ совершенно похожемъ на нашъ лейбъ-гусарскій—и его венгерцы выдавались предъ всѣми. Венгерцы были въ черныхъ изъ моаръ-антикъ доломанахъ и черныхъ бархатныхъ въ накидку, ментикахъ; высокіе сапоги и какія-то окисированныя цѣпи на груди и поясѣ, а на шляпахъ орляныя перья. Картиннѣе этого я ничего не видалъ. Необыкновенно граціозно. Австрійскій посолъ Кароли тоже венгерецъ, имѣлъ высокіе сапоги, черныя панталоны и моаръ-антиковый черный же доломанъ и ничего больше. Ихъ костюмы привлекали общее вниманіе. Англичане были въ черныхъ, съ небольшимъ золотымъ шитьемъ, мундирныхъ фракахъ, безъ всякихъ орденовъ.

Биконсфильдъ выглядитъ моложе, чѣмъ его представляютъ на портретахъ. Высокій, худой, нѣсколько согнувшійся. Любопытно осматриваетъ всѣхъ въ стеклышко, которое непрерывно суетъ въ лѣвый глазъ. Салисбюри—русская фізіономія, похожая въ его узкомъ мундирѣ на нашего городского голову.

Ваддингтонъ, меньшаго роста крѣпышъ, незамѣчателенъ ничѣмъ.

Корти курносый итальянецъ съ самою скверною фізіономією. Какъ это странно, большинство видѣнныхъ мною до сего времени итальянцевъ и итальянокъ очень некрасивы.

За нѣсколько минутъ до выхода кронъ-принца, всѣхъ собравшихся къ обѣду главноуполномоченныхъ на конгрессѣ и ихъ свиту прусскіе церемоніймейстеры стали размѣщать въ залѣ, лицомъ къ окнамъ. На первомъ мѣстѣ, слѣва, поставили Андраши и его венгерцевъ, потомъ французовъ, англичанъ. О насъ какъ бы забыли, и мы все отодвигаемся на конецъ залы. Вотъ уже кромѣ насъ и двухъ турокъ нѣтъ никого. Что же это такое, почему насъ ставятъ рядомъ съ турками и въ самомъ хвостѣ? Всѣ мы, не исключая Шувалова и Убри, переглядываемся другъ съ другомъ съ явнымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ. Приглашаютъ насъ и поставили передъ турками, предпоследними. Тутъ оказалось, что уполномо-

ченныя разставлены были въ алфавитномъ порядкѣ представляемыхъ ими государствъ (по франц. алфавиту) и поневолѣ намъ, рядомъ съ турками, пришлось занимать предпоследнее мѣсто. Недовольствіе наше разсѣялось, но странно, что объ этомъ правилѣ, принятомъ для конгресса, никто не былъ прежде предупрежденъ. Зная этотъ безпристрастный обычай, мы не волновались бы напрасно и не провели бы нѣсколько весьма неприятныхъ минутъ.

Когда кронъ-принцъ подъ руку съ кронъ-принцессой вошелъ въ залу, оба поклонились, при чемъ принцесса весьма низко присѣла; я такихъ реверансовъ еще не видалъ. Получивъ въ отвѣтъ наши поклоны, они разошлись—принцесса подошла къ Андраши, а принцъ въ противоположную сторону, т. е. къ туркамъ. Оба начали обходить насъ, сближаясь другъ къ другу, и когда принцесса подошла къ намъ, принцъ уже окончилъ говорить съ Андраши.

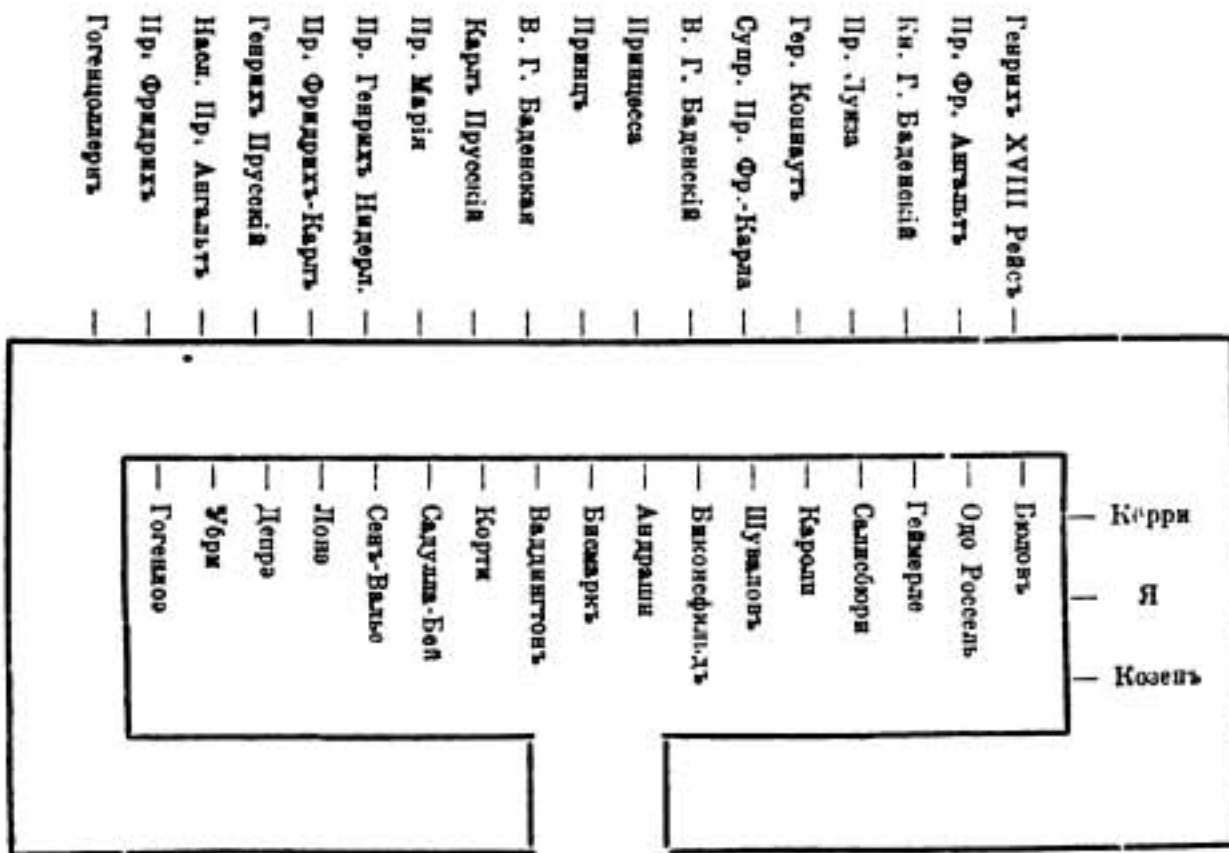
Туркамъ—посланнику въ Берлинъ Садулла-Бейю и бывшему съ нимъ военному агенту—принцъ сказалъ: „Nous attendons encore vos collegues. M-grs“ и затѣмъ сейчасъ же, не ожидая отвѣта, подошелъ къ намъ. Графъ Шуваловъ представилъ ему военныхъ: меня, Бобрикова, Боголюбова и Убри и статскихъ (сегодня приѣхалъ и Нелидовъ). Принцъ обратился къ намъ, военнымъ:

„J'espère, M-rs, que vous viendrez voir nos manoeuvres à Potsdam? Apres votre guerre cela doit vous interesser de voir une armée amie. Vous aurez des chevaux à votre disposition et vos couverts seront toujours mis à ma table“.

Маневры кавалерійскіе, и повѣдетъ изъ насъ одинъ Боголюбовъ. Лѣвѣ насъ стояли итальянцы и т. д.

Когда подошла кронъ-принцесса, то она подала Шувалову руку, и тотъ поцѣловалъ ее, наклонясь низко къ протянутой рукѣ и нисколько ея не подымая. Насъ опять представили. Она говорила мало. Спросила у Фредерикса, не родня ли онъ кому-то, а графу Адлербергу замѣтила—„мы знакомы уже“. На ней было бѣлое платье съ кружевной тюниккой; трэнъ длинный, но платье сзади не подобрано и не очень узко. Принцесса свѣжая женщина, но не особенно красива, прическа совсѣмъ гладкая. На шеѣ великолѣпное брилліантовое ожерелье; на головѣ тоже брилліанты. Съ нею ходилъ шестнадцатилѣтній сынъ Генрихъ, или „Prince laid“, какъ его называютъ здѣсь.

Кронъ-принцъ далеко не такъ мужественъ, какъ его воображалъ я себѣ, судя по портретамъ. Это оттого, что онъ средняго роста. Когда онъ говорилъ съ нами—съ насъ онъ началъ—голосъ его обнаруживалъ весьма замѣтное волненіе. Лицо его еще молодо, свѣжо и пріятно; прекрасная густая борода. Руку давалъ только уполномоченнымъ.

Послѣ представленія, кронъ-принцъ съ супругой и сыномъ удался во внутреннія комнаты, а мы нѣсколько спустя были при-

глашены въ Бѣлую залу, гдѣ накрытъ былъ столъ, и каждому изъ насъ назначено мѣсто. Когда всѣ стали по своимъ мѣстамъ—вошелъ кронъ-принцъ съ кронъ-принцессою и прочими членами королевской фамиліи. Прошли они прямо къ своимъ мѣстамъ, мимо праваго фаса, какъ разъ предо мною. Собравшіеся гости привѣтствовали принцевъ поклонами.

Зала прекрасная, богато украшенная. Лучшимъ украшеніемъ безспорно служатъ безчисленныя люстры, зажженныя уже во время обѣда, посредствомъ пороховой нитки, въ нѣсколько секундъ. Это было очень эффектно: А, а, а... одобрительно раздалось со всѣхъ сторонъ въ то время, какъ огонь быстро по ниткѣ отъ одной свѣчи къ другой зажигалъ ихъ, взбирался все выше и выше.

Принцъ сидѣлъ между двумя принцессами, и вся ихъ сторона занята была особами императорской фамиліи и дамами.

Обѣдъ былъ отмѣнный; вина превосходныя, особенно мозель-муссѣ и рейнвейнъ. Вотъ menu.

Berlin den 13 Juni 1878.

Consommé de volaille printanier;
Potage Windzor.

Saumon du Rhin et turbot, garnis.

Filet de boeuf à la régence;
Louge de veau et jambon à la provençale.

Suprême de poulets à la Condé.

Homards à la majonnaise;
Chaufroix de gelinottes à la gelée.

Selle de chevreuil rôtie, gelée de groseilles;
Poulardes rôties, salade.

Asperges en branches, sauce au beurre;
Petits pois, garnis d'artichauts.

Gâteau moka, garni;
Gelée de champagne aux fraises.

Beurre, fromage.

Glaces, gaufrettes
Dessert.

Музыка играла по такой программѣ:

1. Overture zu „Iphigenie in Aulis“ . . . . . Gluck.
2. Introduction u. Brautchor a. d. Oper „Lohengrin“ . Wagner.
3. Symphonie № 13 G—dur . . . . . Haydn.
Adagio. Allegro. Largo. Menuetto. Finale.
4. Zwei ungarische Tänze . . . . . Brahms.
5. Serenade . . . . . Haydn.
6. Overture z. Oper „Don Juan“ . . . . . Mozart.

Послѣ жаркого, принцъ сказалъ тостъ по-французски: „Привѣтствуя г.г. членовъ Берлинскаго Конгресса, я долженъ начать благодарностью за то, что они, собравшись на первое засѣданіе, прежде всего выразили желаніе о скорѣйшемъ возстановленіи здоровья моего августѣйшаго родителя. Благодарю ихъ именемъ императора, предлагаю тостъ за государей, которые прислали сюда своихъ представителей, и за членовъ конгресса съ пожеланіемъ, чтобы работы конгресса были плодотворны и дали возможность обезпечить общее спокойствіе“. Въ родѣ этого ¹⁾. Говорилъ громко, неособенно однако внятно, но очень душевно, просто. На его тостъ мы раскланялись и опять усѣлись. Никто не отвѣчалъ.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ Galerie de peinture съ новѣйшими историческими картинами и портретами прусскихъ королей; тамъ же прекрасные портреты императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны во весь ростъ, работы Винтергальтера и Крюгера. Между картинами замѣчательны: Вступленіе императора Вильгельма въ Берлинъ послѣ французской войны 70-го года, работы Кампгаузена и провозглашеніе Вильгельма императоромъ въ зеркальной галлерей Версальскаго дворца—Вернера. Этому самому Вернеру, какъ говорятъ, будетъ поручено написать картину и Берлинскаго Конгресса.

Въ Galerie de peinture состоялся весьма оживленный рауть. Разносили кофе. Принцъ и принцесса любезно разговаривали со всѣми выдающимися лицами, а расхаживая между группами гостей, обращались съ привѣтливымъ словомъ и ко многимъ изъ прочихъ приглашенныхъ.

¹⁾ Пожеланія конгресса, на которыя намекнулъ кронъ-принцъ въ своемъ тостѣ, были сдѣланы графомъ Андраши въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Messieurs, je suis bien sûr de me rencontrer avec vos sentiments, en constatant dès le commencement de notre première réunion les vœux chaleureux que nous formons tous pour le prompt rétablissement de S. M. l'empereur Guillaume“. Protocols du Congrès de Berlin, pr. № 1.

Принцъ подошелъ, между прочимъ, и ко мнѣ. Я держалъ въ рукахъ menu. „Ah vous voulez garder ceci? comme souvenir? C'est comme moi. Chaque année je commande des cartons énormes pour y mettre des souvenirs de ce genre, et après ma mort, on trouvera toute une collection de ces choses importantes. Vous connaissez Berlin?“

— „J'y ai été plusieurs fois, mais jamais l'impression n'a été aussi agreable que maintenant après un séjour de 13 mois en Bulgarie?“ — „Ah, vous avez fait la guerre, d'où venez vous?“ — „Je puis dire, que je viens tout droit de S.-Stefano, ou je remplissais les fonctions du chef de l'administration civile pour la Bulgarie.“ — „Ainsi vous avez remplacé ce pauvre prince qui est mort, comment s'appelait-il?“ — „Prince Tcherkaski.“ — „Oui, oui, c'est une grande perte pour l'Empereur. Je ne le connaissais pas personnellement. Oh, c'est grande perte. Je me souviens de Pétersbourg avec grand plaisir. J'y ai été pendant plusieurs mois en 1851; mes jeunes amis d'autrefois sont des généraux maintenant“. Я сказалъ, что moi aussi j'ai gagné mes epaulettes cette année là. — „Amusez vous bien, si pourtant les travaux du congrès vous laisseront assez de temps.“

Принцессы, бывшія на обѣдѣ—некрасивы, и костюмы ихъ незамѣчательны.

Были: фельдмаршалъ принцъ Карлъ и другіе принцы; много молодежи преимущественно въ военной формѣ. Море лентъ и орденовъ.

Изъ за стола вышли въ 20 м. 9-го, а ровно въ 9 кончился раутъ. Въ 1/2 10-го я былъ уже дома, довольно долго пришлось отыскивать карету, да еще на лѣстницѣ болтали.

Первое засѣданіе конгресса состоялось сегодня и продолжалось съ 2 ч. до 3 1/4 по полудни. Наканунѣ, т. е. 31 мая, графъ Шуваловъ, съ 11 ч. вечера до 1/2 3-го утра, былъ у Биконсфильда и весьма дружелюбно разговаривалъ о будущихъ занятіяхъ. Ничто не предвѣщало, что съ перваго же шага Биконсфильдъ поведетъ противъ насъ дерзкую кампанію, а между тѣмъ это случилось. Графъ Шуваловъ съ волненіемъ и злобою рассказалъ мнѣ, передъ представленіемъ кронъ-принцу, о происшедшемъ инцидентѣ. Сначала все шло, какъ было условлено. Пожелали императору скорого выздоровленія, выбрали Бисмарка предсѣдателемъ конгресса, назначили бюро и рѣшили приступить къ разсмотрѣнію Санъ-Стефанскаго договора не по статьямъ, а съ предметовъ болѣе важныхъ, каковымъ предметомъ и выбрали Болгарію. Вдругъ Биконсфильдъ

начинаеть, на англійскомъ языкѣ, рѣчь... о чемъ же? О необходимости обсудить прежде всего вопросъ о томъ, можно ли оставить подъ Константинополемъ русскія войска! Въ этомъ онъ видитъ большую опасность для Европы; опасается столкновеній между сторонами и предполагаетъ возможность захвата нами Константинополя. Можетъ ли Конгрессъ спокойно засѣдать среди подобныхъ опасностей?

Бисмаркъ, замѣтя, что вопросъ этотъ не былъ на очереди, спросилъ русскихъ уполномоченныхъ, не желаютъ ли они отвѣчать Биконсфильду.

Графъ Шуваловъ сказалъ, что онъ готовъ сдѣлать возраженіе и хотѣлъ было начать говорить, какъ князь Горчаковъ останавливаетъ его рукою и произноситъ: „я уполномоченъ заявить, что мой августѣйшій государь, всегда имѣвшій въ виду благо христіанъ, готовъ признать всѣ уступки, для пользы христіанъ предлагаемыя“. Всѣ переглянулись. Бисмаркъ обращается къ Горчакову—„что же, вы соглашаетесь на заявленіе лорда и отводите войска?“ Тогда Горчаковъ поворачивается къ Шувалову и говоритъ ему: „Allez!“.

Послѣ сдѣланнаго Шуваловымъ возраженія и замѣчанія Бисмарка, что этотъ вопросъ, прежде обсужденія Конгрессомъ, подлежитъ ближайшему изученію Англіи и Россіи, инцидентъ былъ признанъ оконченнымъ ¹⁾.

Пятница 2—14 іюня. Былъ съ визитомъ 1) у князя Бисмарка и 2) у нашего генерала Рейтерна, состоящаго при германскомъ императорѣ. У меня были сыновья Бисмарка Гербертъ и Вильгельмъ (ихъ карточки: Graf von Bismarck-Schönhausen, Kaiserl. Deutcher Legations-Sekretär и Graf Wilhelm von Bismarck).

На первомъ засѣданіи Конгресса рѣшено дать уполномоченнымъ три дня свободы для ближайшаго другъ съ другомъ знакомства и предварительныхъ переговоровъ. Второе засѣданіе назначено на 5 (17). Работы у меня еще нѣтъ.

Секретаремъ Конгресса назначенъ Радовицъ, германскій министръ резидентъ въ Аѳинахъ (женатъ на русской, Озеровой), а

¹⁾ Въ первомъ протоколѣ Конгресса, присланномъ намъ черезъ два дня, помѣщены: рѣчь князя Горчакова согласная въ общемъ съ рассказомъ гр. Шувалова и рѣчь послѣдняго. Въ виду сдѣланной Биконсфильдомъ дерзости, отвѣдь Шувалова была черезчуръ скромна и даже робка. Нахаль не былъ проученъ, какъ бы слѣдовало.

его помощникомъ—графъ де-Луи, первый секретарь здѣшняго французскаго посольства.

Вечеромъ въ Фридрихъ-Вильгельмскомъ театрѣ „Belle Hélène“.

Суббота 3—15 іюня. Получилъ приглашеніе на обѣдъ къ Бисмарку на 5—17 іюня, въ понедѣльникъ. На всѣ вечера: по понедѣльникамъ, приглашены къ англійскому послу, а по средамъ къ австрійскому послу, извѣстному богачу графу Кароли.

Былъ съ визитомъ у министра иностранныхъ дѣлъ Бюлова и у четырехъ принцевъ: а) у принца Карла, Вильгельмплацъ; б) у принца Августа Виртембергскаго, Вильгельмштрассе 66; в) принца Вильгельма, Вильгельмштрассе vis-a-vis 66; г) принца Фридриха Карла, Шлоссъ; д) принца Баденскаго—въ Нидерландскомъ дворцѣ. Принималъ одинъ принцъ Августъ, фельдмаршалъ и командиръ прусской гвардіи. Это братъ покойной в. к. Елены Павловны и большой другъ Россіи. Онъ самъ вышелъ встрѣчать въ пріемную, а потомъ проводилъ до дверей кабинета.

Принцъ Августъ былъ очень любезенъ, расспрашивалъ о великомъ князѣ главнокомандующемъ; говорилъ, что получилъ отъ него изъ Адрианополя телеграмму по поводу письма принца Августа отъ имени прусской гвардіи, поздравлявшей Государя съ побѣдами; расспрашивалъ о Шипкѣ, вспоминалъ о Зедделерѣ. Я ему говорилъ о 10 августа на Шипкѣ, упоминая о Лигницѣ и Вильомѣ.

Всѣ принцы живутъ просто; кромѣ двухъ человекъ у подъѣзда нѣтъ ни адъютантовъ, ни ординарцевъ, ни толпы прислуги. Дворцы ихъ или вѣрнѣе барскіе дома очень хороши. Фельдмаршалъ Фридрихъ Карлъ живетъ въ замкѣ на самомъ верху.

Сегодня былъ первый приступъ къ работамъ. Въ три часа по полудни я, Бобриковъ и Боголюбовъ собрались у Бобрикова для высказанія, по желанію гр. Шувалова, нашихъ мнѣній по тремъ вопросамъ: 1) объ основаніяхъ къ нашему требованію о включеніи Софійскаго санджака въ сѣверную Болгарію; 2) о дорогѣ для турокъ вдоль южнаго склона Балканъ и о выборѣ тамъ пунктовъ для военнаго занятія и 3) о жертвахъ, приносимыхъ нами для отступленія къ Адрианолю. По 1 и 3 вопросамъ, я какъ спеціально назначенный по дѣламъ Болгаріи—написалъ записки, а второй вопросъ оставленъ до будущаго, такъ какъ, быть можетъ, подробно обсуждать его и не придется.

Вопросы эти Шуваловъ просилъ разсмотрѣть сегодня же, съ тѣмъ, чтобы завтра и обсуждать ихъ подробно на первомъ нашемъ у него совѣщаніи.

Я Шувалова не видалъ. Говорятъ, онъ очень озабоченъ и чѣмъ-то сильно встревоженъ.

Обѣдалъ съ Боголюбовымъ у Риллеріа.

Воскресенье 4—16 іюня. Въ ½12-го былъ у Шувалова. Просилъ зайти въ ¼1-го послѣ обѣдни. Пошелъ и я къ обѣднѣ. Церковь посольская небольшая и довольно простая, но за то въ нижнемъ этажѣ, слѣдовательно легко доступна. (Въ Константинополѣ церкви гдѣ-то на вышкѣ). Поютъ прескверно, не то, что въ Парижѣ.

Совѣщаніе у Шувалова началось послѣ обѣдни; были: я, Бобриковъ, Боголюбовъ, Нелидовъ, Убри и Жомини.

Въ большомъ салонѣ занимаемаго графомъ Шуваловымъ отдѣленія, у крайняго лѣваго окна, какъ разъ противъ входныхъ дверей, поставлены два раскрытыхъ ломберныхъ стола. На нихъ лежали карты, бумага, карандаши. Когда мы всѣ, участвующіе въ совѣщаніи, собрались, хозяинъ попросилъ насъ занять мѣста около ломберныхъ столовъ и сѣвъ самъ держалъ намъ рѣчь. Сущность ея была такая. Графъ находится въ затруднительномъ положеніи. Ему приходится защищать дѣло, во многомъ уже предрѣшенное безвозвратно и непоправимое. Кромѣ того онъ знакомъ только съ общими вопросами и массы подробностей совершенно не знаетъ, на мѣстѣ въ Турціи не былъ и не имѣетъ никакого понятія о географіи страны, свойствахъ Болгаріи и проч.

„Меня учили, говорилъ графъ, на мѣдныя деньги. Я знаю очень, очень мало. Прежде всего позаботились научить меня иностраннымъ языкамъ, и я говорю по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, быть можетъ лучше, чѣмъ по-русски, но этимъ и ограничиваются мои положительныя знанія—виѣ языковъ ничего не знаю, и прошу васъ, господа, помочь мнѣ вашими знаніями. Научите меня всему, что сами знаете и что въ настоящемъ случаѣ необходимо. Мы сдѣлаемъ такъ: каждый разъ передъ засѣданіемъ конгресса—или когда понадобится—будемъ собираться у меня; я укажу предметы обсуждения и попрошу васъ высказаться. Повѣрьте, что выслушаю васъ внимательно и постараюсь понять. Затѣмъ, если не потребуется для меня разъясненія чего-либо неусвоеннаго, я передамъ вамъ резюме нашихъ сужденій прямо по-французски, какъ буду говорить потомъ.

на конгрессѣ. Любезный баронъ Жомини согласился присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ, чтобы слѣдить, не употреблю ли я, когда-нибудь, въ моихъ объясненіяхъ какого-либо недипломатическаго выраженія или оборота. Замѣтить что-либо подобное, или какой грѣхъ противъ французскаго языка—онъ поправитъ. Итакъ, господа помогите и начнемте“.

Хотя по пословицѣ „униженіе паче гордости“, но нельзя не сказать, что подобнымъ искреннимъ или остроумнымъ обращеніемъ гр. Шуваловъ весьма мнѣ понравился и на первомъ же совѣщаніи доказалъ, что онъ быстро схватываетъ даваемые ему объясненія, легко усваиваетъ совершенно новые для него факты и превосходно говорить по-французски. Баронъ Жомини по окончаніи нашей бесѣды замѣтилъ, что „онъ, въ качествѣ цензора, кажется совершенно лишній; графъ Петръ Андреевичъ не только не нуждается въ руководствѣ стараго редактора дипломатическихъ нотъ, но самъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для любого дипломата“.

Предметомъ обсуждения на нашемъ первомъ совѣщаніи былъ вопросъ о границахъ Болгаріи. Дать ей границы Санъ-Стефанскаго договора—Россія уже не думаетъ и отъ этого отказалась. По особому соглашенію съ англичанами—(текста этого соглашения гр. Шуваловъ намъ не предъявилъ, но замѣтилъ, что оно, къ сожалѣнію, неизвѣстно какимъ образомъ стало извѣстно и напечатано въ англійской газетѣ „Globe“) —мы согласились отодвинуть южную границу отъ Эгейскаго моря, а западную провести такъ, чтобы соблюденъ былъ принципъ національностей, т. е. чтобы въ южную Болгарію не вошли неболгарскія племена. Сѣверная и восточная границы Болгаріи не возбуждали пока особыхъ вопросовъ. Вообще, по словамъ графа Шувалова, Россія согласилась ограничиться границами Болгаріи, опредѣленными на Константинопольской конференціи.

По довольно долгому изученіи границъ на картѣ, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) *по западной границѣ*. Въ виду имѣлись двѣ границы, обѣ чрезвычайно урѣзывавшія Болгарію. Австрійская шла по границамъ Софійскаго и Сересскаго санджаковъ и Англійская—требовавшая, чтобы Болгарія не простиралась къ западу далѣе линіи отъ Новаго Базара на Курши. Можно было предложить линію среднюю между ними, но основать ее на твердыхъ началахъ было затруднительно. Положили заявить, что нѣкоторое исправленіе западной границы въ отношеніи, какъ Болгаріи, такъ и Сербіи признаемъ возможнымъ, но при этомъ поводовъ отстаивать ту или другую изъ предложенныхъ линій—нѣтъ, такъ какъ обѣ онѣ не идутъ по естест-

веннымъ или этнографическимъ границамъ. При этомъ полагали, что явится возможность въ вознагражденіе за дѣлаемые нами уступки добиться присоединенія къ Сербіи—Приштинѣ, остававшейся за Турціей даже и по Санъ-Стефанскому договору.

2) относительно юго-восточной части *нашей южной границы* выяснилась невозможность защищать значительное ея выступленіе впередъ у Люле-Бургаса со включеніемъ въ Болгарію части желѣзнаго пути отъ Адрианополя въ Константинополь. Англичане особенно возставали противъ этого выступа, называя его тетъ-депономъ противъ Константинополя. Въ этомъ смыслѣ была составлена депеша въ Петербургъ съ указаніемъ, что по совѣщаніи съ офицерами генеральнаго штаба, полагаемъ на этой части предѣловъ Болгаріи защищать границу Константинопольской конференціи, признанную уже Европой ¹⁾.

Во время совѣщанія, къ Шувалову въ ½ 3-го пріѣхалъ графъ Андраши и сидѣлъ почти до 4-хъ. Передъ 4-мъ пріѣзжали Кара-теодори и Магометъ-Али, но ихъ не приняли.

Въ 4 ч. мы разошлись, и графъ Шуваловъ поѣхалъ къ Бисмарку.

Вчера получена депеша, что турки напали на черногорцевъ—идеть сраженіе. Что это такое? Думаютъ однако, что это не вслѣдствіе приказанія изъ Константинополя, а по мѣстнымъ недоразумѣніямъ.

Второй день идутъ здѣсь дожди хотя не постоянные, но продолжительные.

Понедѣльникъ 5 (17) іюня. Утромъ, только-что я всталъ, получаю карточку гр. Адлерберга съ надписью, что гр. Шуваловъ проситъ меня къ 10 ч. Иду и нахожу тамъ Нелидова, Бобрикова и Боголюбова.

Шуваловъ вскорѣ вышелъ къ намъ въ крайне возбужденномъ состояніи.

„Вообразите, началъ онъ, этотъ невозможный Горчаковъ объяснилъ вчера Андраши: „что мы согласны успокоить Сербію и отдаемъ ей Подгорицу, это дѣло рѣшенное“.

„Вы знаете, что Z вчера былъ въ 4 ч. у Бисмарка, а графъ Андраши пріѣзжалъ ко мнѣ при васъ, во время нашего совѣщанія.

¹⁾ По этой версіи въ составъ южной Болгаріи должны были входить санджаки: Сливенскій, Филиппопольскій (кромѣ округовъ Султана-Іери и Ачиръ-Чемби) и казы Киркъ-Кимхе, Мустафа-Паша и Кизиль-Агачъ. По слѣдствію три казы отъ Адрианопольскаго санджака.

Я вамъ расскажу, что произошло на этихъ свиданіяхъ, и вы увидите, въ какомъ затруднительномъ, просто нелѣпомъ положеніи я нахожусь.

„Андраши говоритъ, что какъ слабое вознагражденіе для Австріи, ей слѣдуетъ Боснія, Герцеговина и Enclave, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею. Что лично онъ (Андраши) былъ противъ присоединенія Босніи и Герцеговины, но убѣдился, что надо ихъ взять, чтобы получить Enclave, которую невозможно оставить въ чьихъ бы то ни было рукахъ, кромѣ Австріи.

„По границѣ Сербской не видитъ препятствій къ исправленію, но противъ новаго увеличенія Сербіи, а только не желаетъ отбывать отъ нея занятые ея войсками Пиротъ и Враню.

„Графъ Шуваловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ уступки Enclave и потомъ разстался съ Андраши. Въ 4 ч. ѣдетъ онъ къ Бисмарку и тотъ говоритъ ему: „Андраши былъ у Горчакова тотчасъ же послѣ того, какъ вышелъ отъ васъ, и канцлеръ былъ болѣе откровененъ, чѣмъ вы, онъ прямо сказалъ Андраши: „nous resterons amis; vous voulez Enclave, vous l'aurez“.

„Въ Петербургѣ впрочемъ, по словамъ Шувалова, только военный министръ энергично протестовалъ противъ подобной уступки, но наконецъ и онъ на нее согласился. По поводу этой болтовни Горчакова, гр. Шуваловъ хотѣлъ было вчера же телеграфировать въ Петербургъ, чтобы прислали другого перваго уполномоченнаго или уволили его; остановимся до сегодняшняго засѣданія. Если князь Горчаковъ будетъ дѣлать новыя сумасбродства, то Шуваловъ телеграфируетъ“.

Салисбюри третьяго дня 3 (15 іюня) вечеромъ говорилъ Шувалову: „мы вамъ обѣщали поддержку по всѣмъ вопросамъ, но вопросъ о военномъ вознагражденіи сильно занимаетъ Англію; у насъ много акціонеровъ турецкихъ бумагъ, и они желаютъ имѣть какое-либо обезпеченіе. Для ихъ успокоенія мы должны протестовать противу вашего права на индемнизацию или обставить вопросъ этотъ крайними затрудненіями. Не возьмете ли вы на себя отказаться отъ вознагражденія и взамѣнъ его получить полную независимость Сѣверной Болгаріи съ выплатою ею намъ контрибуціи на счетъ дани, которую она платила бы Турціи. Шуваловъ сослался на неимѣніе полномочій, но въ сущности готовъ бы согласиться на уступку не всего вознагражденія, а половины. Объ этомъ графъ Шуваловъ писалъ Государю. Еще въ Петербургѣ, министръ финансовъ Рейтернъ лично говорилъ Шувалову, что никогда не

разсчитывалъ на индѣмнизацию и въ ней не нуждается, сознавая что реализация ея совершенно невозможна.

Въ Петербургѣ между прочимъ пришли къ заключенію, что было бы полезнѣе отказаться отъ князя и отъ политической автономіи, сохранивъ для Болгаріи границы Санъ-Стефано.

Увидя, что мы здѣсь не въ авантажѣ обрѣтаемся, турки тоже подняли носъ. Мегеметь-Али сказалъ Шувалову, что Турція не очищаетъ Варны и Шумлы потому, что ожидаетъ рѣшенія Европы, а самое очищеніе можетъ быть сдѣлано немедленно, какъ только Турція узнаетъ окончательно, кому будетъ принадлежать эта мѣстность. Поэтому Шуваловъ намѣренъ предложить на конгрессѣ, чтобы онъ немедленно рѣшилъ—Болгарія это, и тогда бы потребовалъ, чтобы турки очистили крѣпости; или нѣтъ—и тогда вопросъ мѣняется совершенно. Это кажется англичане смущаютъ Турцію своимъ проектомъ раздѣлить Болгарію вертикальною линіею на провинціи западную и восточную. Тогда бы пожалуй они предложили дать князя западной половинѣ, а восточную съ крѣпостями надѣлать только автономіей съ генераль-губернаторомъ. Чего же лучше, Болгарія совсѣмъ была бы кастрирована и со всѣхъ сторонъ отдѣлена отъ моря, а Турція не очистила бы своихъ крѣпостей.

Сегодня уже всѣ читали въ газетахъ, перепечатанный изъ „Globe“, лондонскій меморандумъ, подписанный 18 (30) мая графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Салисбюри. Впечатлѣніе сильное, а на насъ русскихъ—подавляющее. Мы сами, собственными своими руками, уничтожаемъ плоды нашихъ побѣдъ и отдаемъ во власть Европы. До какой степени потеряли голову въ Петербургѣ, что давали своему послу полномочія на заключеніе подобныхъ унижительныхъ условій. Мнѣ кажется, что если гр. Шуваловъ не отказался отъ такой миссіи, то только потому что—какъ самъ говоритъ—не знаетъ ничего, а, слѣдовательно, не знаетъ и Россіи да и не любитъ ея. У него не болитъ за нее сердце, и этимъ объясняется благодушіе, въ какомъ онъ пребываетъ.

Вотъ текстъ протокола по переводу изъ „Globe“.

А. Проектъ меморіи, опредѣляющій пункты, по которымъ можетъ быть достигнуто соглашеніе между русскимъ и великобританскимъ правительствами, и которые должны служить взаимными обязательствами русскимъ и англійскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ:

Ст. 1. Англія отвергаетъ продольное дѣленіе Болгаріи; тѣмъ не

менѣе русскій уполномоченный предоставляет себѣ право доказывать на конгрессѣ выгоды такого дѣленія, обѣщая, однакожъ, не настаивать на немъ въ случаѣ рѣшительныхъ возраженій со стороны Англій.

Ст. 2. Южная граница Болгарія подвергнется измѣненію въ томъ смыслѣ, что она будетъ урѣзана со стороны моря соотвѣтственно установленной константинопольской конференціею южной границѣ болгарскихъ провинцій. Это касается вопроса о границѣ лишь относительно урѣзки береговой полосы со стороны Эгейскаго моря, т. е. къ западу отъ Лагоса. Вопросъ объ опредѣленіи границы съ этого пункта до Чернаго моря обсуждаться будетъ впоследствии.

Ст. 3. Западныя границы Болгарія будутъ опредѣлены согласно принципу національности и именно такъ, что неболгарское населеніе не войдетъ въ составъ этой провинціи. Западныя границы Болгарія не должны въ принципѣ простираться далѣе линіи, тянущейся приблизительно между Новымъ Базаромъ и Курша-Балканомъ.

Ст. 4. Ограниченная вышеозначеннымъ образомъ Болгарія (ст. 2 и 3) будетъ раздѣлена на двѣ провинціи. Одна изъ нихъ, лежащая къ сѣверу отъ Балканскаго хребта, получитъ политическую самостоятельность съ особымъ княземъ во главѣ, другая, лежащая къ югу отъ Балканскаго хребта, широкую административную автономію (въ родѣ той, которая существуетъ въ англійскихъ колоніяхъ) съ губернаторомъ изъ христіанъ, назначаемымъ съ согласія Европы на періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ.

Ст. 5. Императоръ Всероссійскій придаетъ особенное значеніе очищенію южной Болгарія турецкими войсками. Его Величество не будетъ имѣть никакой увѣренности и никакой гарантіи относительно будущности болгарскаго населенія, если оттоманскія войска будутъ тамъ долѣе оставаться. Лордъ Салисбюри не имѣетъ ничего сказать противъ очищенія турецкими войсками южной Болгарія, но Россія съ своей стороны обѣщаетъ не противиться постановленію конгресса относительно случаевъ, когда турецкимъ войскамъ дозволено будетъ вступать въ южныя болгарскія провинціи съ цѣлью подавленія возстанія или предотвращенія нападенія извнѣ, какъ уже состоявшагося, такъ и предполагаемаго. Англія предоставляет себѣ вообще право выступать на конгрессѣ въ защиту правъ султана держать войска на границахъ южной Болгарія. Представитель Россіи съ своей стороны предоставляет себѣ право обсуждать съ полною свободою на конгрессѣ это послѣднее предложеніе лорда Салисбюри.

Ст. 6. Великобританское правительство требуетъ, чтобы высшіе начальники милиціи южной Болгаріи назначались Портою съ согласія Европы.

Ст. 7. Опреѣленные санъ-стефанскимъ договоромъ обязательства относительно Арменіи должны касаться не только Россіи, но и Англіи.

Ст. 8. Такъ какъ правительство ея великобританскаго величества и русское императорское правительство питаютъ живѣйшій интересъ къ будущей организаціи греческихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ, то ст. XV санъ-стефанскаго мирнаго договора измѣняется въ томъ смыслѣ, что другія державы, въ томъ числѣ и Англія, получаютъ также право совѣщательнаго голоса по вопросу о будущемъ устройствѣ Эпира, Фессалии и остальныхъ греческихъ провинцій, остающихся подъ владычествомъ Порты.

Ст. 9. Что касается до военнаго вознагражденія, то Его Величество Императоръ Всероссійскій никогда не имѣлъ намѣренія превратить его въ территориальное приращеніе, и Онъ не отказывается дать соотвѣтствующія обѣщанія. Военное вознагражденіе не должно нарушать права Англіи, какъ кредитора Порты, и въ этомъ отношеніи она должна находиться въ такомъ же положеніи, какъ до войны. Не выступая противъ окончательнаго рѣшенія, которое Россія предполагаетъ принять относительно уплаты военнаго вознагражденія, Англія предоставляетъ, однакожь, себѣ право привести противъ него на конгрессѣ тѣ доводы, которые ей покажутся заслуживающими серьезнаго обсужденія.

Ст. 10. Въ виду того, что чрезъ Алашкертскую долину пролегаетъ главный торговый путь въ Персію и въ глазахъ турокъ имѣетъ весьма высокое значеніе, Е. И. В. Императоръ Всероссійскій изъявляетъ свое согласіе на возвращеніе Турціи этой долины и города Баязета, но съ другой стороны Онъ потребовалъ уступки Персіи небольшой территоріи Хошура, возвращеніе которой шаху комиссіи обонхъ дворовъ-посредниковъ признали справедливымъ.

Ст. 11. Правительство ея британскаго величества должно будетъ заявить глубочайшее сожалѣніе въ случаѣ, если бы Россія рѣшилась настаивать на бессарабскомъ вопросѣ. Но такъ какъ совершенно достаточно выяснено, что остальные державы, подписавшія парижскій договоръ, не расположены поддерживать постановленія вышеозначеннаго договора относительно границъ Румыніи силою оружія, то Англія признаетъ свои спеціальные интересы не столь связанными съ этимъ вопросомъ, чтобы быть готовой принять на себя одну отвѣтственность сопротивленія противъ предполагаемаго территориальнаго обмѣна. На основаніи этого она обязуется не противиться

рѣшенію въ сказанномъ смыслѣ. Англійское правительство хотя и заявляетъ готовность не противиться также исполненію желанія русскаго Императора пріобрѣсти батумскую пристань и удержатъ за Россіей завоеванныя земли въ Арменіи, тѣмъ не менѣе не можетъ скрыть своего мнѣнія о трудности избѣжать опасности, угрожающей будущему миру со стороны азіатскаго населенія при этомъ расширеніи русскихъ границъ. Но правительство ея величества того мнѣнія, что долгъ оберегать Османскую имперію отъ этой опасности будетъ задачей, выпадающей въ особенности на долю Англии, и задачу эту она желаетъ исполнить такъ, чтобы Европа снова не подверглась шансамъ осложненій отъ новой войны. Одновременно правительство ея величества заручится деклараціей одного изъ трехъ императоровъ, что граицы Россіи не могутъ быть впредь расширяемы по направленію къ азіатской Турціи. Правительство ея величества, полагая достаточнымъ внесеніе въ этотъ документъ измѣненій, которыя послѣдуютъ въ санъ-стефанскомъ договорѣ, для ослабленія постановленій, существующихъ въ договорѣ въ настоящемъ его видѣ, обязуется не оспаривать статей предварительнаго мира касательно этого предмета, не отмѣненныхъ текстомъ 10-ти вышеупомянутыхъ пунктовъ, если, въ свою очередь, Россія дастъ торжественное обѣщаніе на конгрессѣ не нарушать этой статьи. Весьма возможно, что обѣ стороны во время переговоровъ конгресса найдутъ удобнымъ придти, по взаимному соглашенію, къ новымъ измѣненіямъ, которыхъ заранѣе предвидѣть нельзя; въ томъ же случаѣ, однако, если бы подобное соглашеніе между русскими и англійскими уполномоченными не состоялось, то означенный документъ послужитъ обоюднымъ обязательствомъ уполномоченныхъ Россіи и Англии передъ конгрессомъ. Въ силу этого, документъ этотъ подписанъ русскимъ императорскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и первымъ секретаремъ британскаго величества.

Совершено въ Лондонѣ, 18-го (30-го) мая 1878 года.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

За исключеніемъ постановленій вышеизложенной меморіи, англійское правительство удерживаетъ право поддерживать на конгрессѣ слѣдующіе пункты:

а) Англійское правительство предоставляетъ себѣ право требовать на конгрессѣ участія Европы въ административной организаціи обѣихъ провинцій Болгаріи; б) англійское правительство внесетъ на конгрессъ: вопросъ объ опредѣленіи срока и характера занятія Болгаріи русскими войсками и о проходѣ русскихъ войскъ черезъ территорію Румыніи; с) вопросъ о наименованіи южныхъ провинцій; д) англійское правительство предоставляетъ себѣ,—не

затрогивая вопроса о владѣніи,—возбудить пренія о судоходствѣ на Дунаѣ, насколько допускаютъ Англію договоры до вмѣшательства въ этотъ пунктъ; е) англійское правительство предоставляет себѣ право возбудить пренія по поводу всѣхъ пунктовъ, относящихся до проливовъ. Но русскій посланникъ въ Лондонѣ обязуется поддерживать свое устное заявленіе, сдѣланное имъ первому государственному секретарю, т. е., что Императорское правительство будетъ держаться заявленія, полученнаго 6-го мая 1877 г. отъ лорда Дерби, а именно слѣдующаго: что существующія по общему европейскому соглашенію постановленія, регулирующія судоходство по Босфору и въ Дарданеллахъ, кажутся ему (англійскому правительству) цѣлесообразными и полезными, и что всякое существенное измѣненіе каждой отдѣльной потребности будетъ встрѣчено имъ съ большимъ сомнѣніемъ. Русскій главный уполномоченный будетъ на конгрессѣ поддерживать сохраненіе *statu quo*; f) правительство ея величества обратится къ султану съ просьбой, чтобы онъ далъ Европѣ тѣ же обезпеченія относительно монаховъ всѣхъ національностей, какія получены для монаховъ Аѳонской горы.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

Замѣчательно, что Шуваловъ, объяснившій мнѣ о заключенномъ условіи при первомъ нашемъ свиданіи 31-го мая, теперь, когда текстъ соглашенія обнародованъ, молчитъ упорно и не заикается о немъ ни единымъ словомъ.

Конгрессъ засѣдалъ сегодня 2 часа; Горчаковъ былъ. Уполномоченные являются на засѣданія въ сюртукахъ. Бисмаркъ всегда въ военной формѣ. Третье засѣданіе назначено на 7 (19) іюня.

На обѣдъ къ Бисмарку я пріѣхалъ съ Бобриковымъ какъ-разъ къ 6 часамъ и попалъ въ линію экипажей, подѣзжавшихъ сплошной вереницей. Всѣхъ приглашенныхъ было однако только 50 чел. (считая хозяевъ 6 чел.) Разсылая въ посольства пригласительные билеты¹⁾, Бисмаркъ приказалъ объяснять, что недостатокъ помѣщенія не дозволяетъ ему пригласить большее число гостей, почему

---

¹⁾ Пригласительный билетъ на обѣдъ былъ посланъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Le Chancelier de l'Empire et la Princesse de Bismarck prient Monsieur le Général Anoutchine de leur faire l'honneur de dîner chez eux le lundi 17 Juin à 6 heures“.

онъ и ограничился только лицами, состоящими въ генеральскихъ чинахъ.

Всѣхъ приглашенныхъ встрѣчалъ старшій сынъ Бисмарка Гербертъ, около котораго стояли молодые люди, вѣроятно знавшіе въ лицо гостей. Молодой Бисмаркъ подошелъ ко мнѣ. — „M-g le général Anoutchine?“ — Oui, M-g — „Alors permettez moi de vous presenter à mon pere“. Въ слѣдующей небольшой комнатѣ, прямо передъ дверями, въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ былъ Бисмаркъ съ женою и дочерью, стоявшею нѣсколько вправо, рядомъ съ своимъ женихомъ, графомъ Куно Ронтцау. Дамы были въ траурѣ по случаю смерти ганноверскаго короля, а Бисмаркъ въ черномъ кирасирскомъ вицъ-мундирѣ съ желтыми кантами и въ эполетахъ. Несмотря на то, что я многое видалъ въ жизни и удивить меня чѣмъ-либо было трудно, — Бисмаркъ произвелъ на меня необычайное впечатлѣніе. Что за мощная личность! Вѣроятно, нашъ Петръ Великій былъ также подавляющъ, какъ онъ. Приближаясь къ этой колоссальной фигурѣ, я невольно почувствовалъ какое-то смиреніе.

Канцлеръ очень любезно привѣтствовалъ меня, подалъ руку и, сдѣлавъ полуоборотъ направо, представилъ м-ше Бисмаркъ, старой, некрасивой и совсѣмъ незначительной нѣмкѣ. Представляя ей, онъ совершенно правильно произнесъ мою фамилію. Нѣсколько времени тому назадъ, князь Бисмаркъ отпустилъ сѣдую бороду; она идетъ къ нему, но нѣсколько измѣняетъ его, всѣмъ столь знакомую по портретамъ, фізіономію. Къ сожалѣнію, я не могъ достать въ Берлинѣ его портрета съ бородою.

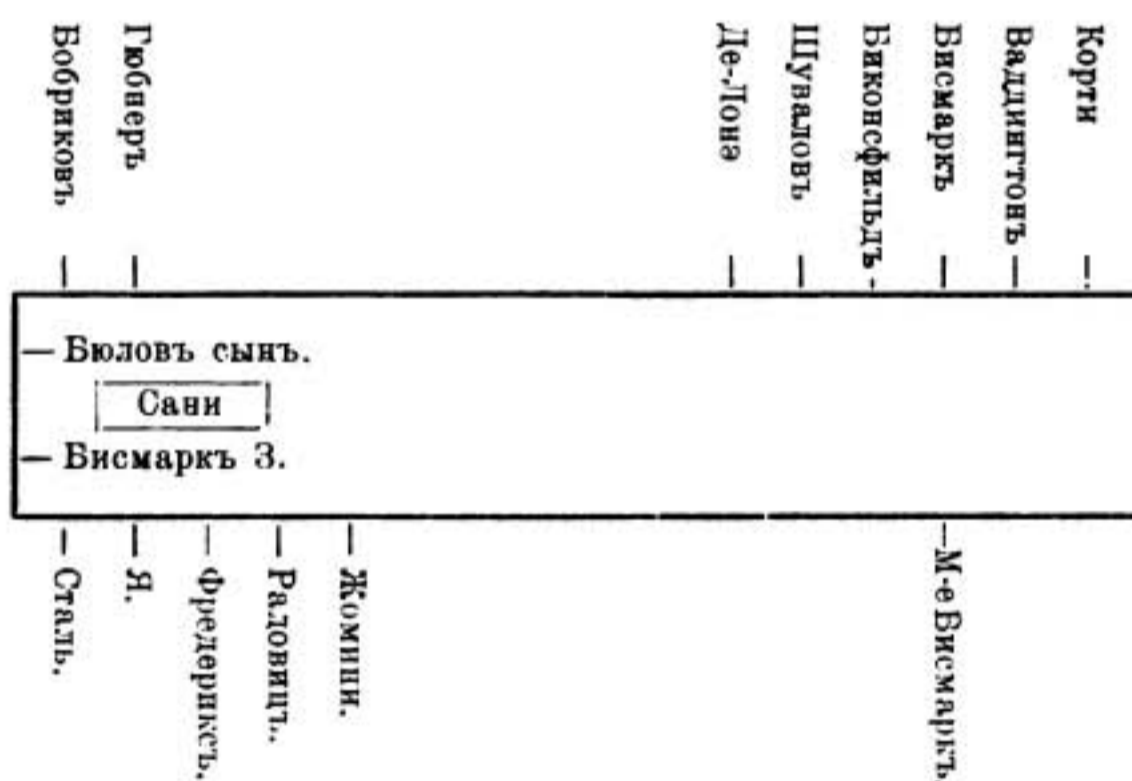
Гости подходили одинъ за другимъ и столпились въ дверяхъ такъ, что уже представленные не могли уйти изъ комнаты и, оставаясь вблизи отъ канцлера, видѣли пріемъ всѣхъ слѣдовавшихъ за ними.

Вотъ подходитъ Биконсфильдъ. Онъ въ скромномъ, давно, какъ видно, служащемъ, фракѣ и блѣломъ галстукѣ. Лицо довольно апатично; прядь волосъ спадаетъ на лобъ. Поздоровавшись съ Бисмаркомъ Биконсфильдъ подошелъ къ женѣ канцлера и обратился къ ней съ какой-то фразой на англійскомъ языкѣ. Она по-французски отвѣтила ему, что давно уже не имѣетъ практики въ англійскомъ языкѣ и не можетъ на немъ объясняться. Это не убѣдило упрямаго британца, и онъ продолжалъ обращаться къ ней съ англійскими фразами, на которыя та отвѣчала по-французски. Разговаривая съ княгиней, Биконсфильдъ держалъ себя какъ-то странно; онъ засунулъ руки въ задніе карманы фрака и весьма некрасиво помахивалъ фалдочками въ разныя стороны. При этомъ фізіономія Биконсфильда была довольно курьезна.

Идти къ обѣду Бисмаркъ самъ устраивалъ всѣхъ по-парно: Биконсфильда и Ваддингтона и проч. Мѣста за обѣдомъ намъ указывали тѣ самые молодые люди, которые при встрѣчѣ были около Герберта Бисмарка.

Обѣдъ былъ накрытъ въ прекрасной залѣ, могущей, вопреки заявленію Бисмарка, вмѣстить до ста человѣкъ обѣдающихъ, если не больше. Очевидно, что не недостатокъ мѣста былъ причиною приглашенія всего 50 чел. Нѣмецкая экономія вѣроятно была на первомъ планѣ, и, впрочемъ, можетъ быть Бисмаркъ хотѣлъ пригласить только тѣхъ изъ съѣхавшихся на конгрессъ лицъ, которые были удостоены приглашеніемъ на парадные обѣды, даваемые въ замѣкъ отъ имени императора. Пожалуй такое объясненіе будетъ вѣроятнѣе, такъ какъ, разумѣется, расходы Бисмарка по приему покрыты казною.

Сѣли за обѣдъ въ $\frac{1}{2}$ 7-го и заняли мѣста въ такомъ порядкѣ.

Сервировка была приличная, но небогатая и аляповатая. Серебро отъ Кача. Передъ нами, на мраморномъ плато стояла группа, изображавшая русскія сани, запряженныя тройкой. Вещь, кажется, серебряная. Младшій Бисмаркъ, обращая на нее мое вниманіе, сказалъ, что это воспоминаніе о Петербургѣ. Вѣроятно, мѣстная нѣмецкая колонія поднесла сани Бисмарку въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Россіи.

Сидѣвшіе за обѣдомъ представляли сплошную черную кайму около стола. Все почти фраки; въ военныхъ мундирахъ, кромѣ самого Бисмарка, были только мы русскіе и Мегеметь-Али.

Мени обѣда гармонировало съ сервировкой стола. Оно было не

напечатано, а сдѣлано простымъ литографскимъ способомъ на самой обыкновенной бумагѣ. Вокругъ листка шель незатѣйливый, отъ руки сдѣланный бордюрикъ. Текстъ menu:

M E N U.

Lundi, le 17 Juin.

Consommé à l'Imperatrice.
 Cromesquis de foie gras.
 Truites au bleu.
 Cimier de chevreuil à la Russe,
     sauce Périgord.
 Pâtés de Strasbourg aux grives.
 Cannetons à la Viennoise.
 Salade d'ecrevisses en belle-vue.
 Poulardes, garnies de cailles.
     Compotes, salade.
 Céleris aux petits pois à l'Anglaise.
 Gâteaux d'Ananas à la Parisienne.
 Plombière à la Turque
     Glaces.

Что касается до обѣда, онъ былъ отлично приготовленъ и выдавался крайнимъ обиліемъ яствъ. Всего наготовлено было множество. Полныя блюда подавали каждому тремъ гостямъ. Поэтому обѣдъ шель необыкновенно быстро. Шуваловъ потомъ смѣялся, что папахенъ Бисмаркъ на казенный счетъ наготовилъ продовольствіи для своей семьи на цѣлую недѣлю и будетъ кормить ее не голубями, а отборными кушаньями ¹⁾).

¹⁾ По этому поводу, гр. Шуваловъ, превосходный рассказчикъ, передалъ слѣдующій анекдотъ. Проѣзжая черезъ Берлинъ, я, говорилъ онъ, каждый разъ заѣзжалъ къ Бисмарку, который не простилъ бы мнѣ никогда мою забывчивость въ такомъ случаѣ. Разъ, какъ-то, я пріѣхалъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ женою и всего на нѣсколько часовъ. Ёду къ Бисмарку. Узнавъ, что я съ графиней и вечеромъ думаю ѣхать, канцлеръ и жена его непременно потребовали, чтобы мы пріѣхали отобѣдать совершенно запросто въ ихъ семьѣ. Отказаться было невозможно, тѣмъ болѣе, что т-ше Бисмаркъ сама явилась къ моей женѣ и обѣщала прислать за нею свой экипажъ. Поѣхали. Садимся за обѣдъ. Самъ Бисмаркъ разливаетъ супъ, и человекъ подноситъ мнѣ тарелку съ жиденькимъ бульономъ, въ которомъ плаваютъ что-то синее, довольно противное и съ виду похожее на огромный пупокъ. Попробовалъ я супъ — бурда страшная. Взялъ еще ложку, толкнулъ раза два, три пупокъ и положилъ ложку. Претить, не могу ѣсть. Графиня тоже нерѣшительно двигала ложкой въ тарелкѣ. Увидѣлъ Бисмаркъ, что я не ѣмъ, и удивленно спрашиваетъ: „Вы не кушаете?—Нѣтъ, благодарю, что-то не-

Обѣдъ шелъ весьма непринужденно. Много и громко говорили не только въ срединѣ стола около Бисмарка, но и въ отдѣльныхъ группахъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе широкаго размѣщенія гостей за столомъ и общаго шума въ залѣ, разговоры центральной группы не было слышно, но видно, что разговоръ, само собою не политическій—былъ весьма оживленъ.

Мой сосѣдъ слѣва, совѣтникъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, оказался весьма любезнымъ и разговорчивымъ человѣкомъ. Онъ съ восторгомъ отзывался о графѣ Шуваловѣ, который, по его словамъ, говорилъ на Конгрессѣ умѣренно, сдержанно, хладнокровно и убѣдительно. „*Pa montré qu'il est très fort*“. Вообще и по словамъ нашихъ дипломатовъ, графъ Шуваловъ на первомъ засѣданіи Конгресса произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, весьма ловко отвѣчая на обращаемые къ нему вопросы. Это говорилъ мнѣ за обѣдомъ же другой мой сосѣдъ—баронъ Фредериксъ, пріѣхавшій съ нашимъ канцлеромъ въ качествѣ начальника его путевой канцеляріи. Подобный отзывъ барона Фредерикса имѣлъ особое значеніе, потому что лично онъ весьма недолюбливаетъ графа Петра Андреевича и не скрывалъ о немъ своего мнѣнія. Когда во время обѣда вдругъ раздался громкій голосъ графа, что-то весело говорившаго, б. Фредериксъ обернулся ко мнѣ и замѣтилъ: „вы увидите, генераль, что Шуваловъ сдѣлаетъ скандалъ; онъ всегда напивается пьянъ и нерѣдко скандалитъ; боюсь, чтобы и сегодня онъ не выкинулъ какой-либо штуки, очень уже кажется веселъ“. Вотъ этотъ-то самый б. Фредериксъ рассказалъ мнѣ, что назначеніе графа Шувалова съ поста шефа жандармовъ на постъ посла въ Лондонъ произвело крайнее раздраженіе между нашими дипломатами. Неужели между нами, говорили они, нѣтъ способныхъ, что пришлось брать совершенно свѣжаго человѣка и откуда—изъ полиціи? Не одобряя назначенія, многіе злобно говорили, что неудача выбора скоро скажется сама собою, стоятъ только подождать первыхъ депешъ отъ новаго посла. Пришла депеша—ничего, прекрасно написана. Стали приходять другія до-

---

хочется. — „*Aber mein Heber Graf, es ist Tauben Suppe!*“—Ну, думаю, слава Богу, спасень. Ну да, именно потому, что это Tauben Suppe, я не могу ѣсть. Мы, русскіе, никогда не ѣдимъ голубей, вѣдь Духъ Святой явился въ видѣ голубя. Нѣтъ, благодарю, низачто не стану измѣнять народнымъ обычаямъ. И, чтобы избавиться отъ ненавистнаго супа, я скорѣе взялъ тарелку и подаль ее лакею: „Не буду настаивать въ такомъ случаѣ“, сказалъ Бисмаркъ, но, увидя, что лакей удаляется, подозвалъ его къ себѣ и вилкой переложилъ оставленный мною пупокъ въ свою тарелку. Второй голубь скоро исчезъ у него за первымъ.

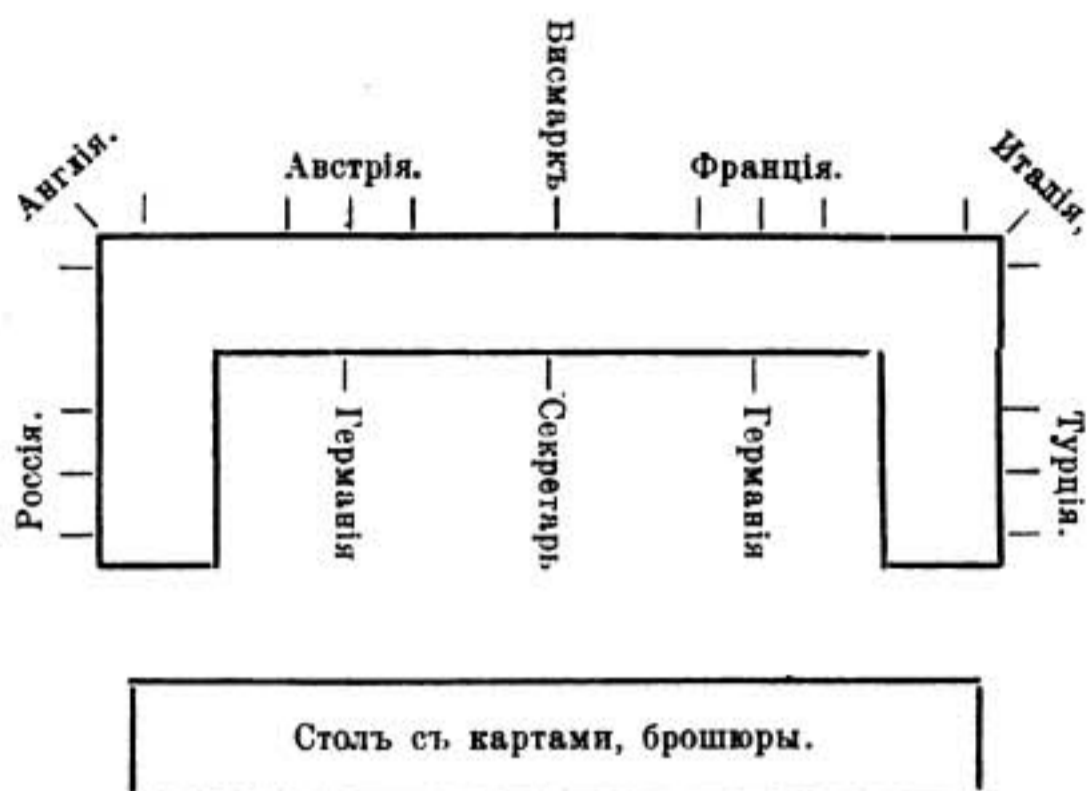
несенія и по серьезнымъ вопросамъ. Оказывались они отлично написанными и несравненно лучшими, чѣмъ все то, что прежде приходило изъ Лондона. Это заинтересовало всѣхъ. Справились и узнали, что всѣ ноты гр. Шуваловъ пишетъ самъ, прекрасно владея не только французскимъ, но и англійскимъ языкомъ. Пришлось, говорить б. Фредериксъ, замолчать, гр. Шуваловъ не отставалъ отъ любого изъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ. Вообще и б. Фредериксъ соглашался, что гр. Шуваловъ производитъ отличное впечатлѣніе своими милыми манерами, любезностью и умѣньемъ схватывать мысли¹⁾.

Послѣ обѣда всѣ перешли во внутреннія комнаты, выходящія на прекрасный садъ, идущій къ самому Тиргартену. Подавали кофе, ликеры. Бисмаркъ, вынувъ изъ кармана ключикъ, отперъ столъ и, доставъ изъ него ящикъ съ сигарами, сталъ угощать ими, приглашая курить несмотря на присутствіе дамъ. Обойдя съ ящикомъ главныхъ уполномоченныхъ, онъ передалъ ящикъ Герберту Бисмарку, который и обнесъ всѣхъ присутствовавшихъ, а потомъ возвратилъ отцу. Ящикъ снова былъ спрятанъ въ столъ самимъ Бисмаркомъ.

Въ это время я познакомился съ англійскимъ генераломъ Симмонсомъ. Онъ долгое время жилъ въ Россіи и былъ генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ ранѣе 1860 г. Знаетъ тамъ все и вся; занимательный старикъ. Въ спискахъ Конгресса насъ называли „военными уполномоченными“ и ихъ всего шесть: трое насъ и трое англичанъ; но съ Симмонсомъ пріѣхали совершенно молодые люди, самъ же онъ—генераль-маіоръ. Чинъ этотъ соотвѣтствуетъ званію генеральнаго консула.

Окончивъ угощеніе сигарами, Гербертъ Бисмаркъ предложилъ намъ подробно осмотрѣть залъ Конгресса. Комната весьма обширна, устлана прекрасными коврами. Столъ покоемъ и за нимъ уполномоченные сидятъ такъ:

¹⁾ Изъ Лондонскаго посольства, съ гр. Шуваловымъ на Берлинскій Конгрессъ пріѣхали 1-й и 2-й секретари—гр. Адлербергъ и Бутеневъ. Объ Адлербергѣ Шуваловъ отзывался какъ о миломъ человѣкѣ, а Бутенева не могъ переносить. По его словамъ, онъ способенъ только вести реестръ входящимъ и исходящимъ бумагамъ и запечатывать конверты. Впослѣдствіи однако наше министерство ин. д. пользовалось этимъ самымъ г. Бутеневымъ для веденія переговоровъ съ папскою курією. Трудно повѣрить, чтобы мин-во не знало ничего о г. Бутеневѣ. Или, можетъ быть, вести переговоры съ Римомъ все равно, что умѣть запечатывать конверты?

Члены Конгресса размѣщены группами по націямъ, а эти послѣднія въ алфавитномъ порядкѣ. Передъ каждымъ уполномоченнымъ поставлена большая круглая чернильница и положены различныя принадлежности для письма и большой портфель съ бумагами. Впереди, къ серединѣ стола лежатъ книги, списки, карты, брошюры и пр. Кромѣ этого главнаго стола, есть еще другой прямой, на которомъ тоже разложены книги и карты. Передъ каждой группой уполномоченныхъ лежитъ карточка съ напечатаннымъ словомъ—Russie, France и пр.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

